

0-798975

На правах рукописи

И. Грибан

Грибан Ирина Владимировна

**СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1939–1941 ГГ.
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

**Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования**

**Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук**

Екатеринбург – 2013

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: Земцов Владимир Николаевич,
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: Трофимов Андрей Владимирович,
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Уральский государственный
экономический университет», профессор кафедры
общей и экономической истории

Камынин Владимир Дмитриевич,
доктор исторических наук, профессор,
ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный
университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина», профессор кафедры теории и
истории международных отношений

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный
университет»

Защита состоится «30» января 2013 г. в 10:00 час. на заседании
Диссертационного совета Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских
диссертаций при ФГБУН Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН Институт
истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук по
адресу: 620026, ул. Р. Люксембург, д. 56.

Автореферат разослан «26» декабря 2012 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
доктор исторических наук

Е.Г. Неклодов

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000809716

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы. Ключевым событием в истории XX в. стала Вторая мировая война. Ни одна другая тема не является столь болезненной для историков и общественности сразу нескольких государств, прежде всего, России, Германии, Великобритании, Франции, руководители которых принимали политические решения общемирового значения в конце 1930-х – начале 1940-х гг.

Война оставила много болезненных вопросов. Для каждого народа эти вопросы оказались разными, и процесс их осмысления имеет свои характерные черты. Для Советского Союза (России) – это вопрос о причинах поражения на начальном этапе Великой Отечественной войны, о виновниках войны. Для Германии – о том, как дважды в XX в. одна из самых цивилизованных наций привела мир на грань катастрофы. Для Великобритании, США и Франции – какова роль политики умиротворения и умиротворителей в развязывании Второй мировой войны? Для Польши и стран Балтии – был ли возможен иной вариант развития событий в 1939–1940 гг.? Поиск ответов на подобные вопросы продолжается уже долгие годы. При этом во всех упомянутых странах процесс осмысления осуществлялся по своей траектории, в разных условиях, и был подвержен влиянию как текущей политической конъюнктуры, так и ментальных практик, особенностей исторической памяти, геополитических тенденций. Общим для всех был только один вопрос: была ли война предопределена? В поисках ответа на него учёные снова и снова возвращались к анализу международной политической ситуации весны – лета 1939 г. Одним из ключевых векторов международного взаимодействия в этот период были советско-германские отношения. Срыв англо-франко-советских переговоров, советско-германское сближение с мая 1939 г. до подписания пакта о ненападении 23 августа 1939 г., последующие советско-германские договорённости, визит В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., подписание Гитлером плана «Барбаросса», начало Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. в том или ином аспекте рассматривались во всех трудах, посвящённых предыстории и началному периоду Второй мировой войны, и в послевоенный период неоднократно становились предметом не только исторических, но и общественно-политических дискуссий.

Интерес к советско-германским отношениям и в настоящее время не ослабевает, более того – в преддверии юбилейных дат приобретает новую политическую окраску: уже не сами документы, а история их интерпретации становится объектом изучения и споров. В настоящее время можно говорить о достаточно четко определяемых «национальных историографических традициях» изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг. Это понятие возникло

в рамках германской¹ и британской² исторической науки, и в последние годы достаточно последовательно используется в отечественной историографии³. Тенденции развития историографии как науки и политическая острота вопросов, связанных с советско-германскими отношениями 1939–1941 гг., делают актуальным выход за пределы рамок отечественной историографии и сопоставление ее с историографическими традициями зарубежных стран.

Объектом исследования является комплекс многожанровой литературы исторического, историко-публицистического, мемуарного и иного характера, посвященной проблемам советско-германских отношений 1939–1941 гг.

Предметом исследования – общественно-политические, культурно-исторические и социально-психологические факторы, а также особенности развития историографических, исторических и общественных дискуссий о советско-германских отношениях 1939–1941 гг.

Хронологические рамки исследования охватывают обширный период с подписания пакта Молотова – Риббентропа 23 августа 1939 г.⁴ и зарождения историографии по этой теме до 2009–2011 гг., когда исторические годовщины (прежде всего, 70-летие подписания советско-германского договора о ненападении и начала Второй мировой войны, а затем – 70-летие нападения Германии на СССР) актуализировали события 1939–1941 гг. в среде профессиональных историков и общественно-политических деятелей.

Территориальные рамки исследования включают в себя те страны, для которых вопросы, связанные с советско-германскими отношениями 1939–1941 гг., имели судьбоносное значение и продолжают оказывать влияние на политику этих государств до сих пор: СССР (Россия) и ФРГ (для этих стран Вторая мировая война является ключевым моментом исторической памяти); Великобритания и США (для них на протяжении всего послевоенного времени Вторая мировая война и причины, ее породившие, были актуальной темой исследования). В меньшей степени в работе затронута историография Франции, для которой приоритетным направлением изучения была и остаётся история Сопротивления и освобождения.

¹ Die dunkle Spur der Vergangenheit. Psychoanalytische Zugänge zum Geschichtsbewußtsein. Erinnerung, Geschichte, Identität 2. 1998. 452 S.; Erl A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Stuttgart; Weimar, 2005. 205 S.; Gedächtnis und Erinnerung. Ein interdisziplinäres Handbuch. Stuttgart; Weimar. 2010. 360 S.; Schorkowitz D. Clio und Natio im östlichen Europa // Historische Zeitschrift. 2004. № 1. P. 1–33; Troebst S. (ed.) Geschichtsregionen: Concept and Critique // European Review of History. 2003. № 2. ; Berger S. A Return to the National Paradigm? National History Writing in Germany, Italy, France and Britain from 1945 to the Present // Journal of Modern History. 2005. № 3. P. 629–678; etc.

² Finney P. Remembering the Road to World War Two. International history, national identity, collective memory. L., NY., 2011. 325 p.; Suny R.G. Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations // Journal of Modern History. № 73. 2001. P. 862–896.

³ Ретина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. 44 с.; Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 2: Образы прошлого. СПб., 2006. С. 563–571.

⁴ Исключение составляют англо-американская и французская историографические традиции, в которых изучение советско-германских отношений 1939–1941 гг. неразрывно связано с исследованием истоков, содержания и последствий «политики умиротворения». Вследствие этого, применительно к историографии Великобритании, США и Франции хронологические рамки исследования несколько расширятся. Напротив, при рассмотрении историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг. в странах Центральной и Восточной Европы возникла необходимость сужения хронологических рамок, поскольку о формировании национальных историографических традиций в этих странах можно говорить только начиная с конца 1980-х гг.

В территориальное поле исследования включены также Польша, Украина и страны Балтии, поскольку для них советско-германские отношения 1939–1941 гг. до сих пор являются крайне болезненной и принципиальной темой.

Степень изученности темы. В Советском Союзе долгое время существовала одна, утвердившаяся в конце 1940-х гг., точка зрения на советско-германские отношения 1939–1941 гг. В силу этого, историографии событий 1939–1941 гг. уделялось мало внимания. Первой историографической работой стала «Краткая историография Великой Отечественной и Второй мировой войн», опубликованная в 1965 г. в шестом томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.»¹. Историографический обзор, включавший помимо советской историографии, анализ трудов историков «братских социалистических стран» и «основных капиталистических стран», отражал тенденции времени – разоблачение культа личности И.В. Сталина и конфронтацию с западной исторической наукой. Советско-германские отношения 1939–1941 гг. сводились к пакту о ненападении и упоминались в большей степени в контексте критики «политики умиротворения».

Большой интерес советских исследователей вызывала зарубежная историография предыстории и начального периода Второй мировой войны. В рамках критики «буржуазных фальсификаторов истории» большое внимание уделялось, в первую очередь, англо-американской и западногерманской историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг. Несмотря на то, что большинство историографических исследований были крайне тенденциозны, они, тем не менее, давали общее представление об основных направлениях развития исторической науки за рубежом. Обзор трудов англо-американских авторов был представлен в исследованиях Г.Н. Реутова, К.Б. Виноградова, С.Г. Десяткова, В.Л. Малькова, А.С. Орлова и др. Критика западногерманской концепции предыстории войны нашла отражение в работах Е.Н. Кулькова, А.Н. Мерцалова. Меньшее внимание уделялось историографии Франции (И.А. Чельшев, Д.Э. Кунина, З.С. Белоусова) и таких стран, как, например, Италия (Н.П. Комолова, В.И. Михайленко), Канада (Л.В. Поздеева), Норвегия (А.М. Носков). Сопоставительный анализ зарубежной историографии предпринимали А.С. Якушевский, О.А. Ржевский, Н.С. Лебедева, Е.Н. Кульков. В 1970–1980-е гг. вышел ряд сборников, посвящённых «разоблачению буржуазных фальсификаций».

С конца 1980-х гг. стали складываться и развиваться условия для более объективного изучения зарубежных исследований: расширились контакты российских и зарубежных историков, были опубликованы на русском языке широко известные произведения западных авторов, у российских учёных появились более широкие возможности для научных стажировок за рубежом. Однако в это время произошёл временный спад интереса к историографическим проблемам. Историки и широкие круги общественности занялись ликвидацией «пробелов» в знании о прошлом, в том числе и написанием «истинной» истории войны. Первые обобщающие историографические исследования появляются во второй половине

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза: 1941–1945. Т. 6. С. 403–450.

1990-х гг. Среди них стоит отметить диссертации и статьи М.И. Мельтюхова и Ю.А. Никифорова. Различные аспекты отечественной историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг. нашли отражение в исследованиях В.А. Неvejина, А.Н. и Л.А. Мерцаловых, О.А. Ржешевского, А.О. Чубарьяна.

В 2000-е гг. появляется ряд трудов, анализирующих процесс развития историографии советско-германских отношений и начального этапа Второй мировой войны с точки зрения новых подходов: исследователями изучаются не столько исторические труды и особенности интерпретации отдельных событий, сколько влияние на процесс развития историографии исторической памяти, исторической политики и политики памяти¹. Элементы историографического анализа присутствуют в ряде статей исследователей военно-психологического аспекта истории (А.Г. Айрапетова, С.Н. Молоткова и Е.С. Сенявской).

В 2008 г. вышло в свет третье, дополненное издание труда М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг.», в котором автор предпринял попытку не только рассмотреть разные стороны истории этого периода, но и учесть достижения современных историков, проанализировать разные точки зрения по наиболее спорным вопросам².

Новым подходом к анализу творчества немецких историков и публицистов характеризуется деятельность известного российского германиста А.И. Борозняка. В центре его внимания – проблема исторической памяти ФРГ о преступлениях нацизма.

В постсоветской России труды английских, американских и французских историков, особенно опубликованные в 1990-е–2000-е гг., изучены недостаточно. В современной отечественной литературе практически нет специальных работ, посвященных историографии Великобритании, США и Франции по проблемам начального этапа Второй мировой войны. Частично этот вопрос затронут в исследовании «Современная историография Великобритании»³.

В ФРГ больше внимания уделяется конкретно-историческим исследованиям проблем предвоенного периода и начального этапа Второй мировой войны, чем историографии этой темы. Из произведений немецких авторов, посвященных современному состоянию изучения советско-германских отношений, можно выделить статьи Р.Д. Мюллера, Б. Пиетров-Энкер, Г.-А. Якобсена, Г.Р. Юбершера.

¹ Термин «историческая политика» («Geschichtspolitik») появился в Германии в 1980-х гг. В настоящее время под этим термином понимается «набор практик, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, для достижения определенных политических целей стремятся утвердить те или иные интерпретации исторических событий как доминирующие». Термин «политика памяти» («Politik der Erinnerung») обозначает «общественные практики и нормы, связанные с регулированием процесса формирования коллективной памяти, особенностями коммеморации (создания музеев, памятных мест, закрепления памятных дат и т.д.)». Подробнее о соотношении этих терминов см.: Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 6–23; Его же. Историческая политика: вятки спирали в Восточной Европе начала XXI века // Россия в глобальной политике. 22 октября 2011. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Vyzov-iz-proahlogo-15354>; Jilge W. Nationale Geschichtspolitik während der Zeit der Perestroika in der Ukraine // Gegenerinnerung. Geschichte als politisches Argument im Transformationsprozess Ost-, Ostmittel-, und Südosteuropas. München. 2006. S. 99–128; etc.

² Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения). М., 2008. 544 с.

³ Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П. Современная историография Великобритании. М., 1991. 249 с.

Развитие историографии темы в ГДР нашло в своё время отражение в работах Э. Энгельберга, В. Шмидта, а после объединения Германии – в статьях М. Швартца, К. Петцольда, В. Биаласа, С. Бергера.

В Великобритании проблемы развития историографии периода 1939–1941 гг. подробно освещал в своих статьях Д.К. Уатт, а в последние годы – С. Эстер. Значимым событием стал выход в свет в 2011 г. книги британского историка П. Финни «Память о пути во Вторую мировую войну. Международная история, национальная идентичность, коллективная память»¹. На основе анализа огромного по объёму материала Финни предпринял попытку сравнения национальных традиций изучения предыстории Второй мировой войны в России, Великобритании, США, ФРГ, Италии, Франции, Японии. Однако страны постсоветского пространства не включены в территориальное поле его исследования, историография советско-германских отношений рассматривается автором достаточно подробно лишь в рамках российской традиции.

В условиях зарождения национальных историографических традиций в странах Центральной и Восточной Европы в конце 1980-х–начале 1990-х гг. историографическая проблематика не вызывала у исследователей особого интереса. Работы, посвященные анализу историографии Второй мировой войны в целом и советско-германских отношений 1939–1941 гг. в частности, появляются только во второй половине первого десятилетия 2000-х гг., когда был накоплен достаточный материал, и возникла необходимость подвести итоги исследований. В Украине история изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг. была частично освещена в критической по отношению к российским историкам работе А.Ф. Трубайчука «1939 год. К истории советско-германского сговора»². В 2000-е гг. попытка осмысления тенденций развития историографии предпринималась такими исследователями как О. Марущенко, В.В. Стецкевич, М.В. Коваль. Особый интерес представляют статьи О.Е. Лисенко, выделившего и охарактеризовавшего основные направления и тенденции развития украинской историографии в 1990-х–2000-х гг.³

Польской историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг. посвящены статьи С. Дембского и М. Корната. Особенности освещения советско-германских отношений 1939–1941 гг. в историографии стран Балтии нашли отражение в работах эстонского историка Х. Линдпере, литовского учёного В. Сафроноваса, германских исследователей Ф. Мюнха, Й. Хёстера, К. Брюгтеманна.

Несмотря на значительные достижения отечественных и зарубежных исследователей в изучении историографии предыстории Второй мировой войны, нам не удалось выявить обобщающих и соответствующих современному состоянию развития исторической науки работ, посвящённых истории изучения собы-

¹ Finney P. Remembering the Road to World War Two. International history, national identity, collective memory. L., NY., 2011. 325 p.

² Трубайчук А.Ф. 1939 год. К истории советско-германского сговора. К., 1994. С. 60–84.

³ См., например: Лисенко О.Е. Дослідження історії Другої світової війни у сучасній Україні: основні тенденції та перспективи // Український історичний журнал. 2011. № 4. С. 165–194.

тий 1939–1941 гг., особенностям их осмысления, отражения, преломления в национальной памяти, что во многом и обусловило актуальность нашего исследования.

Цель работы: выявить особенности зарождения и развития национальных историографических традиций применительно к проблемам советско-германских отношений 1939–1941 гг.

Поставленная цель достигается путём решения ряда конкретных задач:

1. Определить факторы, детерминировавшие развитие историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг. на разных этапах.
2. Проследить процесс развития дискуссий по проблемам 1939–1941 гг. в СССР (России), ГДР, ФРГ, Великобритании и США, Франции, странах Центральной и Восточной Европы.
3. Выявить общие и национальные черты в развитии полемики о событиях 1939–1941 гг.
4. Проследить взаимосвязь между историческими дискуссиями, идеологией, «исторической политикой», коллективной памятью о событиях прошлого и формированием национальных историографических традиций.

Источниковая база исследования представлена широким кругом материалов, которые подразделяются на историографические и исторические источники.

Историографические источники представлены как монографиями, так и отдельными статьями. Следует, прежде всего, выделить фундаментальные труды, посвященные международному политическому кризису 1939 г. или Второй мировой войне в целом¹, а также проблемные исследования, освещающие политику умиротворения², процесс советско-германского сближения в 1939 г.³, судьбы

¹ Овсяный И.Д. Тайна, в которой война рождалась. М., 1971. 320 с.; Сиголс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М., 1979. 320 с.; Самсонов А.М. Вторая мировая война 1939–1945 гг.: Очерк важнейших событий. М., 1985. 637 с.; Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. 544 с.; Чубарьян А.О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941 г. М., 2008. 476 с.; Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. L., 1960. 1264 p.; Taylor A.J.P. The Origins of the Second World War. L., 1962. 357 p.; Haslam J. The Soviet Union and the threat from the East. 1933–41. Moscow, Tokyo and the prelude to the Pacific War. Pittsburg, 1992; Schreiber G. Der Zweite Weltkrieg. München, 2002. 126 S.; Overy R. Die letzten zehn Tage. Europa am Vorabend des Zweiten Weltkriegs. München, 2009. 159 S.; Keegan J. Der Zweite Weltkrieg. Hamburg, 2009. 898 S.; etc.

² Поляков В.Г. Англия и Мюнхенский договор (март – сентябрь 1938 г.). М., 1960; Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. 1929–1939. М., 1976. 417 с.; Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980; Иванов А.Г. Великобритания и Мюнхенский договор (в свете архивных документов) // Новая и новейшая история (далее – НИИ). 1988. № 6. С. 21–38; Наумов А.О. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. М., 2007. 416 с.; Cowling M. The Impact of Hitler: British Politics and British Policy, 1933–1940. Chicago, L., 1977; Robbins K. Appraisal. L., 1997; etc.

³ Розанов Г.Л. Сталин–Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941 гг. М., 1989. 204 с.; Семрота М.И. Тайны сталинской дипломатии, 1939–1941. М., 1992. 302 с.; Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. 512 с.; Наджафов Д.Г. Советско-германский пакт 1939 года и его исторические последствия // Вопросы истории (далее – ВИ). 2006. № 12. С. 3–22; Чубарьян А.О. Советская внешняя политика // Война и политика: 1939–1941. М., 2001. С. 275–281; Carr E.H. German-Soviet Relations between the Two World wars, 1919–1939. N.-J., 1979. 146 p.; Roberts G. The Unholy Alliance: Stalin's Pact with Hitler. Bloomington, 1989. 314 p.; Recker M.-L. Die Außenpolitik des Dritten Reiches. München. 1990. 135 S.; Weinberg G.L. The Foreign Policy of Hitler's Germany. Starting World War II, 1937–1939. N.-J., 1994. 397 p.; Ahmann R.-A. Der Hitler-Stalin Pakt: Nichtangriffs- und Angriffsvertrag? B., 1992. 878 S.; Florin M. Der Hitler-Stalin-Pakt in der Propaganda des Leitmediums. Der „Völkische Beobachter“ über die UdSSR im Jahre 1939. Berlin. 2009. 186 S.; etc.

Польши и стран Балтии после подписания пакта Молотова – Риббентропа¹, план «Барбаросса»², нападение Германии на СССР³. Сборники статей и материалов конференций позволяют одновременно увидеть взгляды разных учёных на одну и ту же проблему⁴.

Важную группу историографических источников составляет историческая литература, написанная под влиянием «постмодернистского вызова», рассматривающая советско-германские отношения 1939–1941 гг. с точки зрения военной психологии, исторической памяти, ментальных особенностей памяти о прошлом, политики памяти, мифологизации истории⁵.

Следующую группу историографических источников представляют источники личного происхождения – мемуары, воспоминания и дневники государственных деятелей, военных, дипломатов⁶. Эти труды не только отражали осо-

¹ Живкова Л. Английская политика «гарантий» в 1939 году // НИИ. 1972. № 1. С. 34–44; Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М., 2000. 462 с.; Dembaki S. Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941. Warszawa, 2003. 800 s.; Kornat M. Polaka 1939 roku wobec paktu Ribbentrop-Mołotow. Warszawa, 2002. 808 s.; Duraczyński E. Polaka 1939–1945. Dzieje polityczne. Warszawa, 1999; Łojek J. Agresja 17 września 1939: Studium aspektów politycznych. Warszawa, 1990; etc.

² Безъёмский Л. Особая папка «Барбаросса». Документальная повесть. М., 1972. 342 с.; Hartmann C. Unternehmen Barbarossa: der deutsche Krieg im Osten 1941–1945. München, 2011. 128 S.; Fleischhauer I. Diplomatischer Widerstand gegen „Unternehmen Barbarossa“. Berlin; Frankfurt/M. 416 S.; Glantz D.M. Barbarossa. Hitler's Invasion of Russia 1941. Charleston. 2001. 254 S.; etc.

³ Андреев В.А. Незабываемый сорок первый. М., 1982. 368 с.; Невзоров В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. 288 с.; Винолев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. 230 с.; Nolte H.-H. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Text und Dokumentation. München, 1991; Smith H.W. Fluchtpunkt 1941. Kontinuitäten der deutschen Geschichte. Stuttgart, 2010. 326 S.; Ueberschär G., Wetze W. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. „Unternehmen Barbarossa“ 1941. Frankfurt/M., 2011. 429 S.; etc.

⁴ Мюнхен – преддверие войны (исторические очерки). М., 1988. 309 с.; Война и политика, 1939–1941. М., 2001. 495 с.; Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. М., 2006. 558 с.; Послевоенная история Германии. Российско-немецкой опыт и перспективы. М., 2007. 351 с.; Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М., 2009. 480 с.; Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. 823 с.; Osteuropa. Der Hitler-Stalin-Pakt. Der Krieg und die europäische Erinnerung. Berlin, 2009. 336 S.; Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. „Unternehmen Barbarossa“ 1941. Frankfurt/M., 2011. 429 S.; Pietrow-Enck B. Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt/M., 2011. 252 S.; etc.

⁵ Айрапетов А.Г., Молотков С.Н. Вермахт в войне против СССР (историко-психологический аспект) // НИИ. 2010. № 4. С. 32–46; Севякская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. 383 с.; Память войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. 800 с.; Вторая мировая война. Дискуссия. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997. 700 с.; Козлов В.П. От преодоления мифов истории к поискам реальной истории // НИИ. 2009. № 1. С. 3–20; Симонян Р.Х., Кочегарова Т.М. События 1939–1940 годов в массовом сознании населения стран Балтия // НИИ. 2009. № 3. С. 19–33; Jureit U., Schneider C. Gefühls Opfer. Illusionen der Vergangenheitsbewältigung. Stuttgart, 2010. 253 S.; Conze E., Frei N. Das Amt und die Vergangenheit. Deutsche Diplomaten im Dritten Reich und in der Bundesrepublik. München, 2010. 879 S.; Finney P. Remembering the Road to World War Two. International history, national identity, collective memory. L., NY., 2011. 325 p.; etc.

⁶ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1977. 263 с.; Вайсбеккер Э. Посол Третьего рейха. Воспоминания немецкого дипломата. 1932–1945. М., 2007. 336 с.; Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1983. 552 с.; Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записки начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. М., 1968–1971; Гудериян Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 2003. 656 с.; Жукот Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. М., 1995; Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1966. 376 с.; Майский И.М. Воспоминания советского посла. М., 1964. 408 с.; Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1968. 376 с.; Титпельскирх К. История второй мировой войны в 2-х т. Т.1. 1939–1943 гг. 300 с. М., 1956; Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991; Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Книга 1. М., 1999. 840 с.; Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. – М., 1991. 623 с.; Поковые решения. – М., 1958. 320 с.; Maser W. Der Wortbruch. Hitler, Stalin und der Zweite Weltkrieg. Selenk, 2007. 463 S.; Ribbentrop J. Zwischen London und Moskau. Leoni, 1953. 336 S.; Dahlerus B. Der letzte Versuch. London – Berlin. Sommer 1939. München, 1948. 171 S.; etc.

бенности восприятия событий 1939–1941 гг. непосредственными участниками, очевидцами, современниками, но и играли важную роль в формировании национальных историографических традиций.

Наиболее широко представленным видом историографических источников являются публикации в периодической печати. Среди изученных периодических изданий выделяются общественно-политические («Правда», «Большевик», «Новое время», «Совершенно секретно», «Родина», «Литературная газета», «Frankfurter allgemeine Zeitung», «Deutsche allgemeine Zeitung», «Der Spiegel», «Die Zeit», «Die Welt», «Gazeta Wyborcza») и специализированные исторические («Военно-исторический журнал», «Новая и новейшая история», «История СССР»¹, «Вопросы истории», «Український історичний журнал», «Zeitschrift für Geschichte», «Vierteljahrsheft für Zeitgeschichte», «Geschichte und Gesellschaft», «Historische Zeitschrift», «The Historical Journal», «The Journal of Contemporary History», «The Journal of Modern History», «Past and Present», «Cahiers du monde russe»).

Следующий вид источников – публицистика, которая в той или иной степени оказала влияние на процесс развития историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг. (например, труды сторонников и противников «версии В. Суворова»²).

Автором были также использованы рецензии и аннотации на научные труды, в которых прямо или косвенно затрагиваются вопросы, связанные с советско-германскими отношениями 1939–1941 гг.³

Одной из тенденций развития исторического знания на рубеже XX–XXI вв. является активизация деятельности профессиональных историков в производстве медийных продуктов⁴. Известные историки часто выступают в качестве консультантов и комментаторов в исторических передачах и документальных фильмах. Вследствие этого, отдельную группу источников составили кинодокументы, освещающие советско-германские отношения 1939–1941 гг.⁵

¹ С 1992 г. журнал назывался «Отечественная история», с 2009 г. – «Российская история».

² Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну; День «М»: когда началась Вторая мировая война. М., 1994. 432 с.; Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995. 352 с.; Готовая ли Сталин являющийся войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия: Сборник материалов. М., 1995. 185 с.; Помогайбо А. Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны. М., 2005. 420 с.; Исаяв А.В. Антисуворов. М., 2004. 352 с.; Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой. М., 2006. 352 с.; Великая Отечественная катастрофа. Трагедия 1941 года. М., 2006. 384 с.; и т.д.

³ Грейсон И.В. Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях // Балтийский регион. 2011. № 3. С. 145–149; Петровская О.В. Два взгляда на одну трагедию // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 3. С. 196–203; Mackesy P. Grand Strategy, vol. II: Sept. 1939 – June 1941. London 1957 // The Historical Journal. 1958. V. 1. P. 92–93; 2008. H.1. S. 80–81; Jordan S. Mertens L. Lexikon der DDR-Historiker. Biographien und Bibliographien zu den Geschichtswissenschaftlern aus der Deutschen Demokratischen Republik. München. 2006 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (далее – ZfG). 2009. H. 3. S. 285–287; Creig G.A. Nolte, Ernst: der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (далее – VfZ). 1988. H.4. S. 772–773; Ryszka F. Thamer H.-U. Verfügung und Gewalt. Deutschland 1933–1945. Berlin. 1986 // VfZ. 1987. H. 4. S. 790–791; etc.

⁴ Подробнее о взаимодействии профессиональных историков и медийной культуры см.: Савельева И.М., Поletaев А.В. Теория исторического знания. М., 2008. С. 498–501; Bösch F. Film, NS-Vergangenheit und Geschichtswissenschaft. Von „Holocaust“ zu „Der Untergang“ // VfZ. 2007. H.1. S. 1–32.

⁵ См., например: «Тайны секретных протоколов». (Телеканал «Россия». 22.09.2009 г.); «Особая папка» Леонида Млечина. Пакт Молотова–Риббентропа. (ТВЦ, 2004); История России. XX век. Фильм 80. Канун Великой Отечественной войны. Пакт Молотова – Риббентропа. (ООО «Новое время», 2010 г.); и т.д.

Для достижения поставленных задач в работе использовались исторические источники, представленные в основном материалами официального делопроизводства (директивы, распоряжения, приказы, документы международно-правового характера, дипломатическая переписка), опубликованными в разное время в СССР (России), Германии, Великобритании, США и освещающими историю советско-германских отношений в 1939–1941 гг.¹

Вторую группу исторических источников, имеющую вспомогательное значение, составили изобразительные источники – политические карикатуры, дающие представление о восприятии событий современниками, а также об образах, которые закреплялись в массовом сознании.

К третьей группе можно отнести источники личного происхождения (мемуары и дневники), которые зачастую могут выступать и в качестве историографических источников².

Методология и методы исследования. Методологической базой исследования стали культурно-антропологический и аксиологический подходы. Мы исходим из того, что в настоящее время историческая наука все дальше отходит от «традиционного» историографического подхода и стремится перейти от описания и «инвентаризации» исторических идей, направлений и школ к более тонкому анализу, основанному на принципах культурно-исторической антропологии и «новой культурной истории»³. При таком подходе предметом анализа становятся не только результаты профессиональной деятельности историка, но и факторы, которые влияют на его историческое сознание, ценностные установки. Историк погружен не только в современную ему общекультурную среду, но и в более узкую профессиональную культуру, которая

¹ Дашичев В.И. «Банкротство стратегии германского фашизма» – исторические очерки, документы, материалы. М., 1973. 769 с.; СССР–Германия 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс, 1989. 128 с.; Подпреды сообщают...: Сборник документов об отношениях СССР с Литвой, Литвой и Эстонией. Август 1939 – август 1940 гг. М., 1990. 540 с.; Отглашению подлежат: СССР–Германия. 1939–1941: Документы и материалы. М., 1991. 367 с.; Накануне. Краткая история в документах, воспоминаниях и комментариях. М., 1991. 272 с.; Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2-х тт. Т.1. 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. М., 1990. 431 с.; Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы: в 4 т. М., 2005; Nazi-Soviet Relations 1939 – 1941. Documents from the Archives German Foreign Office. Washington, 1948. 362 p.; Documents on German Foreign Policy, 1918–1945: from the Archives of the German Foreign Ministry. Washington, Series D, 1937–1941. Vol. 7; „Unternehmen Barbarossa“. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941: Berichte, Analysen, Dokumente. Paderborn, 1984. 415 S.; Gerns D. Hitlers Wehrmacht in der Sowjetunion. Legenden–Wahrheit–Traditionen–Dokumente. Frankfurt/M., 1985. 159 S.; Jacobsen H.-A. Der Zweite Weltkrieg: Grundzüge der Politik und Strategie in Dokumenten. Frankfurt/M., 1965. 485 S.; Sowjetstern und Hackenkreuz. 1938 bis 1941. Dokumente zu den deutsch-sowjetischen Beziehungen. Berlin, 1990. 348 S.; etc.

² См. примечание 5. С. 9.

³ Редина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. 320 с.; Её же. Междисциплинарность и история // Диалог со временем. М., 2004. Вып. 11.; Рюжен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискурсива о памяти) // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. 320 с.; Рохас К.А.А. Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М., 2008. 164 с.; Камынин В.Д. Теоретические проблемы историографии как научной и учебной дисциплины на рубеже XX–XXI столетий // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 3. С. 54–66; Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. 725 с.; Erzählung, Identität und historisches Bewußtsein. Die psychologische Konstruktion von Zeit und Geschichte. Erinnerung, Geschichte, Identität. Frankfurt/M. 1998. 405 S.; Die dunkle Spur der Vergangenheit. Psychoanalytische Zugänge zum Geschichtsbewußtsein. Erinnerung, Geschichte, Identität 2. 1998. 452 S.; etc.

имеет собственную традицию¹. В начале XXI в. всё более очевидной становится зависимость изучения и интерпретации событий прошлого от особенностей ментально детерминированной исторической памяти и политики памяти, реализуемой государством.

Анализ историографических источников осуществлялся на основе аксиологического подхода, согласно которому сознание каждого историка – продукт эпохи, в которую он живёт. При изучении исторических фактов историки имеют определенные мировоззренческие позиции, на основе которых у них формируется отношение к тому, что они исследуют². Историк приобретает мировоззренческие установки и ценности, характерные для общества, в котором формируется его сознание.

В основу работы положен проблемно-хронологический принцип.

При описании политической обстановки накануне Второй мировой войны и восприятия событий современниками был использован описательно-повествовательный метод. С целью достижения большей объективности и полноты в характеристике эволюции историографии и общественного сознания применялся метод сравнительно-исторического анализа. Сравнительный метод важен для выявления общих черт и различий в оценках вопросов, связанных с событиями 1939–1941 гг., в отечественной и зарубежной исторической науке. При изучении историографических источников, относящихся к разным периодам, мы использовали ретроспективный метод. Применение историко-генетического метода позволило выявить особенности формирования и эволюции национальных историографических традиций изучения советско-германских отношений. При выявлении факторов, которые оказывали воздействие на историков в процессе написания их трудов, использовался биографический метод. Для интерпретации полученных сведений мы обратились к методам эмпатии и дискурсивного анализа. Первый, по определению С.В. Лурье, – метод «сочувствия, проникновения во внутреннюю логику других людей, улавливание значений, которые они вкладывают в слова, и смыслов, которыми они оперируют»³. Метод дискурсивного анализа предполагает установление корреляции между содержанием исторического источника, результатами его анализа и социокультурным контекстом человеческого существования, исторических событий и процессов⁴.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые принята попытка рассмотреть процесс развития историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг. в столь обширных территориальных рамках – в исторической науке СССР (России), Германии, Великобритании и США, Франции, Польши, Украины, стран Балтии – в их взаимосвязи и взаимовлиянии, а также соотнести этот процесс с особенностями исторической памяти и политики памяти. Зарубежная историография советско-германских отношений рассматри-

¹ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 263.

² Гобозов И.А. История и мораль // Философия и общество. 2010. № 1. С. 11.

³ Лурье С.В. Историческая этнология. М., 2004. С. 599.

⁴ Поршнева О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург, 2005. С. 60–61.

вается в широком контексте, через «призму» тех вопросов, которые являются ключевыми для национальных историографий. Впервые особое внимание уделяется проблемам развития историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг. в ГДР, Украине, Польше и странах Балтии.

Научная новизна работы заключается также в том, что ряд привлеченных исторических и историографических источников никогда ранее не использовался и не анализировался в отечественной исторической науке.

Практическое значение исследования определяется тем, что его результаты могут быть использованы при разработке общего курса историографии, а также спецкурсов по историографии и истории Второй мировой войны. Материалы могут быть использованы при проведении исторических и историографических исследований.

Апробация исследования. Результаты исследования апробированы в докладах на 16 конференциях международного, всероссийского и регионального уровней, а также представлены 26 статьями общим объемом 8,95 п.л. Диссертация обсуждена на заседании кафедры всеобщей истории УрГПУ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обосновывается актуальность темы, обозначаются объект и предмет исследования, анализируется степень изученности проблемы, формулируются цель и задачи, определяются хронологические и территориальные рамки работы, ее методологические принципы, научная новизна и практическая значимость, характеризуется источниковая база.

Первая глава «Отечественная традиция изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг.» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Формирование официальной версии событий» проанализирован процесс оформления и закрепления советской интерпретации советско-германских отношений 1939–1941 гг.

Официальная версия событий, связанных с советско-германскими отношениями 1939–1941 гг., начала формироваться по мере того, как эти события происходили. Основные тезисы официальной советской версии событий 1939–1941 гг. были изложены в брошюре «Фальсификаторы истории», названной «исторической справкой» и направленной на восстановление «исторической правды»: в провале попыток создания англо-франко-советского блока виновны Великобритания и Франция, которые проводили «мюнхенскую политику»; Советский Союз вынужден был принять предложение Германии о заключении договора о ненападении; пакт от 23 августа 1939 г. – закономерный шаг советского правительства, крупная победа, позволившая сорвать замыслы правящих кругов стран Запада и обеспечить Советскому Союзу мирную жизнь еще почти на два года. Впоследствии эти тезисы повторялись и обосновывались в многочисленных трудах по истории Второй мировой войны такими авторами, как Г.А. Деборин, П.А. Жилин,

Е.А. Болтин и др. Официальная версия, ретранслируемая при помощи мощного пропагандистского аппарата, стала основой для формирования коллективных представлений о войне.

«Хрущевская оттепель», характеризующаяся отказом от сталинских догм и значительно оживившая развитие исторической науки СССР, отразилась (хотя и незначительно) на исследовании советско-германских отношений 1939–1941 гг. В условиях десталинизации стали возможными расширение источниковой базы исследований, детализация ряда вопросов, в том числе, связанных с предысторией Великой Отечественной войны, сделаны попытки переосмысления некоторых прежних оценок. Однако в результате произошла лишь переоценка роли Сталина в советской внешней политике 1939–1941 гг., а стремление А.М. Некрича и поддержавших его историков (Л.Ю. Слезкина, Е.А. Гнедина и др.) дать новую оценку советско-германским отношениям результатов не принесло.

Во второй половине 1960-х гг. – первой половине 1970-х гг. источниковая база исследований дополняется публикацией мемуаров участников, очевидцев и современников 1939–1941 гг. (И.М. Майского, В.А. Анфилова и др.), которые развивали официальную версию событий и транслировали ее советскому обществу.

Память о войне, являвшаяся для каждого советского человека и индивидуальной памятью, стала основой для всей картины прошлого, которую формировали государство и партия, осуществляя целенаправленную историческую политику. Любые попытки внести изменения в эту картину пресекались. Память о войне этого периода можно охарактеризовать как «манипулируемую». Те сюжеты, которые были особо значимы и которыми можно гордиться, подчеркивались, «неудобные» вопросы, напротив, замалчивались, вытеснялись.

Во втором параграфе «СССР–Германия в 1939–1941 гг.: исторические и общественные дискуссии сер. 1980-х–сер. 1990-х гг.» представлен анализ советско-германских отношений 1939–1941 гг. в историографии 1985–1995 гг.

С середины 1980-х гг. в СССР начался процесс переосмысления прошлого. Он нашел выражение в фактическом разрушении традиционной версии истории, в частности, советско-германских отношений августа 1939–июня 1941 гг. Дискуссии по вопросам, связанным с предвоенным периодом и начальным этапом Второй мировой войны, характеризует ряд особенностей. Во-первых, открытость обсуждения. Изначально дискуссии зародились в кругах общественности, но потом вовлекли в свою орбиту ученых. Произошла демократизация исторической науки, которая стала «доступна» для непрофессионалов. Во-вторых, политическая острота, которая, с одной стороны, подталкивала процесс переосмысления прошлого, с другой — мешала объективному исследованию. Как следствие актуальности и важности обсуждаемых вопросов для судьбы страны, дискуссиям была присуща излишняя эмоциональность. В-третьих, данный период характеризовался расширением источниковой базы. В-четвертых, на протяжении всего периода наблюдается концентрация внимания на ограниченном круге проблем: до начала 1990-х гг. – на пакте о ненападении и секретных советско-германских договоренностях 1939 г., с появлением книг В. Суворова – на вопросе о вероятности подготовки Сталиным нападения на Германию. В-пятых, в связи с повышением инте-

реса к конкретно-историческим проблемам снижается внимание к историографическим исследованиям.

Этот этап развития дискуссий важен в том отношении, что была преодолена монополия официальной версии событий 1939–1941 гг. Открытие архивов и публикация новых документов – с одной стороны, и дебаты вокруг версии Суворова – с другой, способствовали углублению знаний, стимулировали научный поиск, подготовили почву для дальнейшего изучения спорных вопросов, позволили затронуть новые аспекты проблем предвоенного периода. Ключевыми в этот период стали вопросы о виновниках срыва тройственных переговоров, альтернативах пакту о ненападении, его роли в развязывании Второй мировой войны, оценках секретного протокола к пакту. Отечественные историки (А.С. Якушевский, М.И. Семиряга, Л.А. Безыменский и др.) оказались в очень сложной ситуации: опровергая официальную советскую версию, они опровергали самих себя, вступали в конфликт со своей собственной исторической памятью. Разрушение привычной и общепринятой картины прошлого было процессом болезненным, особенно для участников Великой Отечественной войны. Вследствие этого, отечественная традиция изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг. была значительно поколеблена к середине 1990-х гг., хотя некоторые ее сторонники (М.А. Гареев, С.А. Тюшкевич и др.) сохранили свои взгляды и в начале XXI в.

В третьем параграфе «**Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в современной российской историографии**» охарактеризованы основные тенденции развития отечественной историографии после распада СССР.

Большинство отечественных ученых на сегодняшний день не подвергают сомнению факт существования секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г. Однако единства в оценках пакта и необходимости и вынужденности его заключения в среде отечественных историков нет. В современной историографии продолжают существовать несколько подходов к оценке событий 1939–1941 гг.

Ряд историков считают, что в свете новых архивных документов и исследований, предпринятых в постсоветский период, советская версия событий 1939–1941 гг. несостоятельна (С.З. Случ, М.И. Мельтюхов, Д.Г. Наджафов, А.О. Чубарьян, В.Э. Молодяков, В.И. Дашичев и др.). В то же время, в последние годы в российской исторической науке наблюдается все большее стремление вернуться к традиционной трактовке пакта как мудрого и единственно верного решения в условиях 1939 г. (М.А. Гареев, Н.А. Нарочницкая, В.А. Фалин, А.С. Орлов, С.А. Тюшкевич, Ю.А. Горьков, В.Р. Мединский и др.).

Обсуждение спорных вопросов на высоком политическом уровне, создание комиссии по противодействию фальсификациям истории показывают, что события 1939 г.–1941 гг. в России еще не стали прошлым. Это тот случай, когда история пока не может существовать отдельно от политики.

Во второй главе «**Советско-германские отношений 1939–1941 гг. в трудах немецких историков**» рассматриваются проблемы, связанные с эволюцией немецкой историографии, представлен анализ специфических условий ее зарождения и развития.

В первом параграфе «Западногерманская концепция: от забвения к „преодолению прошлого“» проводится анализ развития историографии ФРГ с 1949 г. до начала 1990-х гг.

Историография советско-германских отношений 1939–1941 гг. в ФРГ в первые послевоенные годы развивалась под влиянием нескольких факторов. Во-первых, утверждение тезиса о Третьем рейхе как воплощении разрыва с национальным прошлым. При анализе западногерманских исторических журналов второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. складывается впечатление, что о войне забыли. Во-вторых, важным фактором развития историографии была атмосфера Холодной войны, выразившаяся в конфронтации с историками ГДР и СССР. В-третьих, значительное влияние на формирование западногерманской историографии оказала публикация воспоминаний бывших генералов вермахта (З. Вестфала, Г. Гудериана, Ф. Гальдера и т.д.). Ключевыми для западногерманских историков (Х.-Т. Серафим, А. Хильгрубер, П. Клюке и др.) стали вопросы о виновниках развязывания войны, сроках принятия Гитлером решения о нападении на СССР, роли визита В. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. в переориентации внешнеполитического курса Гитлера.

Существование секретных советско-германских договоренностей было общепризнанным фактом. Подписание пакта Молотова-Риббентропа характеризовалось как успешный стратегический ход Гитлера и просчет западной дипломатии, которая несет вину за начало войны 1 сентября 1939 г.

Начиная с 1960-х гг. в западногерманской историографии начал складываться новый подход к событиям 1939–1941 гг., что во многом было связано с появлением нового поколения историков (Г.-Г. Нольте, К. Штрайт, В. Ветте, Г. Юбершер и др.). Были опубликованы материалы, связанные с подготовкой плана «Барбаросса».

В рамках «спора историков» 1986–1987 гг. в центре внимания оказался тезис о превентивном характере войны Германии против СССР, который нашел как своих сторонников (И. Хоффман, Г. Гилессен), так и противников (И. Фляйшхауэр, Б. Пиетров-Эннкер и др.).

Характерной чертой развития историографии ФРГ на протяжении всего послевоенного времени была тесная связь науки с медиаполитическим дискурсом. Зачастую новый этап осмысления прошлого начинался с медиасобытий, широко освещаемых в прессе: таких, как «дело Эйхманна», Франкфуртские процессы, демонстрация фильма «Холокост». В отличие от СССР, где до конца 1980-х гг. население традиционно оставалось в стороне от развития исторической науки, в ФРГ общество становилось не просто наблюдателем, а соучастником исторических дебатов. Этот факт свидетельствует как о высоком уровне развития политической культуры в ФРГ, так и о включенности немецкого общества в сложный и болезненный процесс «преодоления прошлого».

Историография советско-германских отношений 1939–1941 гг. в Западной Германии, являясь частью всей историографии нацистского прошлого, прошла к началу 1990-х гг. сложный путь от стремления «вытеснить» из памяти, забыть неприятные воспоминания, доминировавшие в конце 1940-х–1950-х гг., до призна-

ния вины немцев и осознания того, что необходимо реалистично оценить прошлое, дабы не допустить повторения трагических событий в будущем.

Второй параграф «СССР–Германия 1939–1941 гг. в трудах историков ГДР» посвящен рассмотрению особенностей формирования восточногерманской традиции изучения советско-германских отношений кануна и начального этапа Второй мировой войны.

Изучение предыстории Второй мировой войны и советско-германских отношений 1939–1941 гг. в ГДР было подвержено влиянию со стороны историков СССР. В целом концепция событий предвоенного периода в восточногерманской историографии оформилась к началу 1950-х гг. и практически не отличалась от советской версии. Ключевыми тезисами этой концепции были следующие: мировой империализм во главе с Францией и Великобританией стремился стравить фашистскую Германию и миролюбивое Советское государство, в результате чего в 1939 г. мир оказался перед прямой угрозой новой мировой войны; СССР пытался сохранить мир и инициировал англо-франко-советские переговоры, которые потерпели неудачу из-за приверженности англичан и французов «мюнхенской политике», Советский Союз вынужден был принять предложение Германии о заключении договора о ненападении, который был мудрым шагом.

XX съезд КПСС и разоблачение культа личности И. Сталина побудили восточногерманских исследователей (В. Баслера, А. Шрайнера, Г. Фёрстера, Г. Шниттера и др.) вновь обратиться к предыстории Второй мировой войны. В ГДР внешняя политика СССР конца 1930-х гг. в итоге подверглась еще менее значительной переоценке, чем в СССР. Как и в СССР, в историографии ГДР приоритетными были вопросы военно-политической и экономической подготовки Германии к нападению на Советский Союз.

На рубеже 1950-х–1960-х гг. изучение советско-германских отношений 1939–1941 гг. было продолжено К.-Д. Хофтом, Х. Гёпфертом, Р. Кзоллеком, Г. Хассом. Несмотря на противостояние с историками ФРГ, ученые ГДР не могли абсолютно дистанцироваться от того, что происходило в соседнем государстве и вынуждены были периодически реагировать на публикации западногерманских историков (в первую очередь, Э. Нольте, А. Хильгрубера, Ф. Фабри).

Объединение Германии 3 октября 1990 г. стало катастрофой для восточногерманской исторической науки. Историки ГДР оказались в той же ситуации, что и советские ученые: им было необходимо опровергать самих себя и разрушать ту систему исторических взглядов, которую они сами создавали на протяжении десятилетий. Немногие исследователи ГДР смогли продолжить активную профессиональную деятельность в ФРГ (среди них – Ф. Кляйн, К. Петцольд, Д. Айхольц), что позволяет современным исследователям говорить о появлении в ФРГ альтернативной исторической культуры.

В третьем параграфе «Особенности освещения и изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг. в объединенной Германии» представлен анализ тенденций развития историографии в современной ФРГ.

Оценки советско-германских отношений 1939–1941 гг., преобладающие в современной Германии, были сформулированы в основном во второй половине

1980-х–начале 1990-х гг.: в период «спора историков» и в ответ на дискуссию вокруг книг В. Суворова в России.

По вопросу о том, кому принадлежала инициатива советско-германского сближения, в среде историков ФРГ нет единого мнения. Нападение на Советский Союз рассматривается большинством современных немецких историков (М. Мессершмидтом, Г.А. Якобсеном, В. Ветте, Х. Моммзеном и др.) как начало самой разрушительной, наиболее трагической для всех участников фазы Второй мировой войны. Анализ современной литературы позволяет сделать вывод о том, что эти вопросы в настоящее время не находятся в центре внимания немецких историков. На рубеже XX–XXI вв. в немецкой исторической науке наметилась тенденция к изучению исторической памяти о событиях прошлого, особенностях их преломления в национальных историографиях. Советско-германские отношения 1939–1941 гг. все чаще рассматриваются авторами именно в этом контексте (С. Трѣбст, С. Шаттенберг, В. Бенеке, С. Бергер и др.).

На развитие историографии в объединенной Германии оказывает и проблема поиска новой национальной идентичности. В целом немецкое общество, несмотря на 20 лет единения, по-прежнему разрозненно. Политики и приближенные к ним историки пытаются играть на плюсах «преодоления прошлого», позиционируя современную Германию как самое миролюбивое государство, осознавшее свои ошибки прошлого и противостоящее любым проявлениям ревизионизма. Некоторые историки и публицисты искренне пытаются разобраться с непростым наследием 12-летнего господства нацизма. Вместе с тем, можно сказать, что «преодоление прошлого» в ФРГ еще пока дальше от завершения, чем это кажется многим немецким историкам. Современная молодежь устала от постоянного чувства вины, которое навязывается ей в школе на уроках истории. Бурная реакция общества на события, происходящие в исторической науке, говорит о том, что оно не готово принимать правду о прошлом такой, какая она есть. Объединенная Германия столкнулась со своеобразной дилеммой: с одной стороны, неприятное прошлое хочется забыть, с другой стороны, оно – общее для обеих Германий и воссоздающее германскую идентичность в XXI в.

Третья глава «Традиция изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг. в историографии Великобритании, США, Франции, стран Центральной и Восточной Европы» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «От концепции „Guilty men“ к ревизионизму: советско-германские отношения 1939–1941 гг. в англо-американской и французской историографии» рассматривается процесс развития историографии темы с момента ее зарождения до конца 1970-х гг.

Англо-американская традиция формировалась под влиянием иных, по сравнению с германской исторической наукой, факторов. Неразрывная связь национальных исторических школ США и Великобритании (значительная общность взглядов, совместная реализация исследовательских программ, регулярный обмен кадрами) позволяет говорить о единой англо-американской историографической традиции изучения предистории Второй мировой войны в целом и советско-германских отношений 1939–1941 гг. в частности.

Понять англо-американскую версию советско-германских отношений 1939–1941 гг. можно только в широком контексте споров о политике умиротворения, которые в своем развитии прошли ряд этапов.

Начиная с 1940-х гг., в англо-американской исторической науке отчётливо определились 2 направления. Представители первого («ортодоксального») направления (М. Фут, С. Хаксей, Л. Вольф, У. Черчилль и др.) осуждали политику умиротворения, считая, что твердый внешнеполитический курс Англии (у которой было достаточно ресурсов, чтобы оставаться великой державой), основанный на союзе с Советской Россией, мог бы помочь избежать катастрофы. Мюнхенская политика привела к советско-германскому сближению, заключению пакта Молотова – Риббентропа и вступлению Англии в войну. Сторонники второго («ревизионистского») направления (Г. Николсон, К. Хогг, В. Хэдли и др.) предпринимали попытки воссоздать «пейзаж 1930-х гг.» и объяснить рациональность и оправданность политики умиротворения агрессора объективными факторами: военной слабостью Британской империи, позицией доминионов, настроениями общественного мнения, нежеланием СССР заключать англо-советское соглашение.

До середины 1960-х гг. в англо-американской историографии доминировала первая точка зрения. Во второй половине 1960-х гг. на смену «антиумиротворителям» пришло новое поколение историков (М.Дж. Гилберт, Р. Готт, Д.К. Уатт, А. Тейлор), во многом пересмотревшее оценку как внешней политики Великобритании накануне Второй мировой войны, так и советско-германских отношений 1939–1941 гг., представляющее умиротворение как неизбежный результат национального упадка. Представители ревизионистского направления М. Коулинг, Р. Паркинсон, подчеркивая оправданность политики умиротворения, утверждали, что СССР несет главную ответственность за срыв тройственных переговоров, сближение с Германией и, в конечном счете, – за развязывание Второй мировой войны.

К англо-американской национальной традиции изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг. близка историография Франции (М. Бомон, А. Мишель, П. Ренувен, Ж.Б. Дюрозель). Для французских историков ключевыми в изучении предыстории и начального периода Второй мировой войны были вопросы о роли Франции в политике умиротворения и о причинах поражения в 1940 г. Вместе с тем, исследуя эти вопросы – ключевые для французского исторического сознания, историки были вынуждены обращаться и к проблеме советско-германских отношений 1939–1941 гг. В 1950-е гг. в трудах этих историков наблюдается тенденция к оправданию политики Франции накануне войны и обвинению СССР в «двойной игре». В 1960-е гг. оценки смягчаются, но ответственность за срыв тройственных переговоров по-прежнему возлагается на Англию и СССР.

Во втором параграфе «Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в трудах современных англо-американских и французских историков: эпоха постревизионизма» рассматривается эволюция основных оценок событий 1939–1941 гг. в 1980-е–2000-е гг.

К началу 1980-х гг. интерес англо-американских и французских историков к советско-германским отношениям 1939–1941 гг. заметно снижается. Это совпало по времени с очередным (историографическим поворотом): в начале 1980-х гг. позиции «ревизионистов» в англо-американской исторической науке постепенно ослабевают. Такие историки, как Л. Фуксер, П. Кеннеди, В. Мюррей и др. приводили все больше аргументов, развенчивающих тезисы ревизионистов об оправданности, традиционности и неизбежности политики умиротворения. Радикальные изменения, произошедшие во второй половине 1980-х гг. в СССР, побудили историков вновь обратиться к проблеме советско-германских отношений 1939–1941 гг. В этот период с особой остротой поднимался вопрос о последствиях советско-германских договоренностей; по мнению Дж. Робертса, Дж. Хаслэма, Д. Гланца именно они заложили основы для послевоенного раздела сфер влияния и начала Холодной войны.

В 1990-х–2000-х гг. наблюдается частичное возвращение англо-американских и французских историков к ортодоксальной версии событий 1939–1941 гг., что нашло выражение в возникновении «постревизионизма» (представителями этого направления стали Р.А.К. Паркер, Б. Маккершер, Ф. Макдоно, Д. Даттон, Г. Кеннеди и др.). М.Л. Рой, М. Дж. Карлей, Р. Овери активно обсуждали вопрос о том, мог ли стать англо-франко-советский союз эффективной альтернативой пакту Молотова – Риббентропа.

Несмотря на явное преобладание на разных этапах изучения начального периода Второй мировой войны и советско-германских отношений 1939–1941 гг. тех или иных тенденций, нельзя сказать, что историография развивалась линейно: от традиционной версии к ревизионизму, а затем – к постревизионизму. Разные оценки существовали зачастую параллельно и были обусловлены не только профессиональным интересом историков к этому периоду, но и влиянием реальной политики. В конце XX–начале XXI вв. англо-американские и французские историки также обращаются к проблемам национальной памяти о прошлом и влиянии культурных особенностей на развитие историографических сюжетов (П. Финни, Л. Валенси, П. Джексон и др.).

Третий параграф «„Новые историографические традиции“ изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг. в странах Центральной и Восточной Европы» освещает процесс становления национальных историографий на постсоветском пространстве: в Польше, Латвии, Литве, Эстонии и Украине.

До 1989 г. в Польше, Украине и Балтийских республиках трактовка советско-германских отношений 1939–1941 гг. (как и истории Второй мировой войны в целом) практически не отличалась от официальной советской версии событий.

Попытки сформировать свою национальную традицию предпринимаются с 1989 г. Наряду с вопросами, которые были в центре интереса исследователей других стран (кто был виновен в срыве англо-франко-советских переговоров, был ли пакт Молотова – Риббентропа вынужденным шагом, насколько выгодны были его последствия для Советского Союза, кто был инициатором советско-германского сближения), для историков на постсоветском пространстве особую актуальность приобрел вопрос о том, являлось ли включение в состав СССР Лит-

вы, Латвии, Эстонии, Северной Буковины, Бессарабии, части территории Финляндии, Западной Украины и Западной Белоруссии прямым следствием советско-германских договоров.

В отдельное направление стоит выделить польскую эмигрантскую историографию – работы историков, живших в эмиграции и посвятивших свои исследования польско-советским и советско-германским отношениям в межвоенный период и в годы Второй мировой войны (К. Клохович, Т. Комарницки, З. Симашко и др.). Их взгляды значительно отличались от официальной советской точки зрения и развивались под влиянием англо-американской традиции изучения международного кризиса 1939 г. Среди польских историков в эмиграции уже в конце 1940-х гг. зародились негативные оценки советской внешней политики 1939–1941 гг.

Создание группы по изучению сложных вопросов в российско-польских отношениях (одним из которых являются последствия советско-германских договоренностей 1939–1941 гг.) привело к попыткам если и не примирить абсолютно, то, по крайней мере, сблизить позиции учёных двух стран. Точка зрения современных польских историков (М. Корната, Э. Дурачиньски, М. Волоса, С. Дембски и др.) по основным вопросам, связанным с изучением советско-германских отношений 1939–1941 гг., близка к оценкам российских учёных (отошедших от традиционной советской интерпретации). Позитивным моментом является их готовность к ведению диалога и поиску взаимных, приемлемых для общества обеих стран интерпретаций. С одной стороны, это стало результатом реализации исторической политики, а с другой – свидетельством развития исторической памяти и исторического сознания.

Ведущей тенденцией развития историографии Украины в постсоветский период является стремление придать истории Второй мировой войны «национальное звучание». Анализ украинских исследований предыстории и начального этапа Второй мировой войны позволяет сделать вывод о сосуществовании в современной Украине двух историографических традиций: новой, национальной, сформировавшейся в последние десятилетия (А.Ф. Трубайчук, В.С. Коваль, П.П. Брицкий, И.И. Дробот, В.И. Кучер и др.), и традиции, в основе которой лежит советско-российская интерпретация событий 1939–1941 гг. (М.В. Коваль, А.Е. Лисенко, И.К. Патриляк, М.А. Боровик и др.).

Позиции историков и обществ стран Балтии далеки от стремления к сотрудничеству с российскими коллегами. Историческая память о пакте Молотова-Риббентропа как поворотном и трагическом моменте в XX в. выступает сегодня инструментом для построения новой национальной идентичности народов Латвии, Литвы и Эстонии. Для стран Балтии образ «жертвы» агрессивной внешней политики двух тоталитарных государств становится основанием для легитимности их существования на современной карте мира. Историки (И. Фелдманис, А. Каспаравичюс, М. Ильмярв и др.) активно включены в процесс формирования новой национальной идентичности.

В **Заключении** подводятся наиболее значимые итоги исследования, резюмируются основные положения работы, делаются выводы.

Исследование национальных историографических традиций изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг. показало, что в изучении Второй мировой войны и ее предыстории для каждой из рассмотренных стран были свои ключевые моменты, обусловленные теми ролями, которые играли эти государства в международном политическом кризисе 1939 г., а также особенностями их политического развития в послевоенное время.

Уже в первые послевоенные десятилетия в СССР, Германии, Великобритании и США были заложены основы национальных историографических традиций изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг. Эти традиции впоследствии под влиянием разных факторов трансформировались, но в той или иной степени присутствуют в исторической науке этих стран до сих пор. Так, отечественная традиция изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг. хотя и была значительно поколеблена к середине 1990-х гг., но не преодолена полностью. В последнее десятилетие в российской исторической науке наблюдается все большее стремление вернуться к традиционной трактовке предвоенного политического кризиса в целом и советско-германского договора о ненападении в частности. Все большая инструментализация исторической политики позволяет говорить о том, что для России по-прежнему характерна «манипулируемая память» о событиях прошлого (те сюжеты, которые особо значимы и которыми можно гордиться, подчеркиваются, напротив, «неудобные» же вопросы, напротив, замалчиваются и вытесняются из исторической памяти).

Развитие немецкой историографии советско-германских отношений 1939–1941 гг. было обусловлено разделом Германии и Холодной войной. Историческая память немцев о трагических событиях оказалась «раздвоенной». Историки и общество ГДР отказались от вины за прошлое, сделав основой для национальной идентичности антифашизм. Историография в Восточной Германии развивалась под влиянием и неусыпным контролем советской исторической науки, а временами была даже более ортодоксальной и устойчивой к изменениям, чем в Советском Союзе. Объединение Германии, казалось бы, означало и крах исторической науки ГДР. Однако историографическая традиция, сформированная на протяжении четырех десятилетий, оказалась достаточно жизнеспособной.

Общественность и наука Западной Германии были в более сложной ситуации – им пришлось пройти своеобразный путь осмысления прошлого: от стремления «вытеснить» из памяти, забыть неприятные воспоминания, доминирующие в конце 1940-х–1950-х гг., до признания вины немцев и осознания того, что необходимо реалистично оценить прошлое, чтобы не допустить повторения трагических событий в будущем. Для современной Германии характерна «память-долг»: политики демонстрируют, что немцы успешно прошли сложный путь «преодоления прошлого», историки подводят под этот процесс документальную основу, в то время как «обычные немцы» (особенно молодое поколение) по-прежнему воспринимают поражение Германии в 1945 г. как самую страшную национальную катастрофу.

Несмотря на ярко выраженное своеобразие англо-американской традиции изучения советско-германских отношений 1939–1941 гг., можно выделить ряд

черт, которые во многом напоминают особенности развития памяти об этих событиях в СССР, ФРГ и Франции. Во-первых, обращает на себя внимание стремление найти конкретных виновников трагического хода событий. Если в Великобритании это были «умиротворители», а затем – лично Н. Чемберлен, то в ФРГ в первые послевоенные десятилетия главным виновником всех бед немецкой нации объявили Гитлера, а в СССР в 1960-е гг. ответственность за катастрофическое начало Великой Отечественной войны возложили на Сталина. Во-вторых, упадок империи, ностальгия по былому имперскому величию сначала породили такое течение, как ревизионизм, отрицающий абсолютность упадка, а затем – постревизионизм, в рамках которого частично возродилась черчиллевская («ортодоксальная») версия происхождения Второй мировой войны. Своеобразная ностальгия по былому величию страны влияет на развитие историографии и во Франции, и в современной России, и в какой-то степени – в Германии (особенно в восточной ее части, где даже возник своеобразный термин – «остальгия»). В-третьих, аргументация сторонников «ревизионистской школы» во многом напоминала точку зрения апологетов официальной советской версии происхождения Второй мировой войны: вынужденность принятия решений, их оправданность и рациональность в сложившихся в 1930-х гг. условиях; возможность за счет соглашений с Гитлером на какое-то время отодвинуть начало войны.

Подобно тому, как это происходило в СССР и в Великобритании, во Франции долгое время также существовала «ортодоксальная» версия истории Второй мировой войны, центральным элементом которой стало Соппротивление, и которая начала возвращаться на страницы исторических трудов в начале 2000-х гг.

После распада Советского Союза и крушения социалистического блока на постсоветском пространстве начинается формирование национальных историографий. Особый интерес представляет историографическая традиция, получившая развитие в Польше после крушения социалистического блока, истоками которой стали труды польских историков-эмигрантов. «Новая историографическая традиция» стран Балтии основана на осуждении советской внешней политики конца 1930-х гг. Идеологический конструкт оккупации, а затем – освобождения от неё выполняет сегодня в Латвии, Литве и Эстонии интегративную функцию, а сам пакт стал своеобразным «местом памяти».

Таким образом, историография советско-германских отношений 1939–1941 гг., являясь неотъемлемой частью историографии Второй мировой войны в странах, которые принимали непосредственное или косвенное участие в международном кризисе 1939 г., имеет ярко выраженную национальную специфику, что позволяет говорить о существовании национальных историографических традиций. В основе формирования этих традиций лежит комплекс исторических, идеологических, политических факторов. В предыстории и истории войны исследователи разных стран выделяют те ключевые моменты, которые имеют особое значение для исторической памяти общества и формирования национальной идентичности. Различные основания для идентичности вступают в конфликт и не позволяют исторической памяти и исторической науке существовать отдельно от политики.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях (в соответствии с перечнем ВАК):

1. Дискуссия с прошлым: как изучают историю Второй мировой войны в школах ФРГ // Педагогическое образование в России. 2011. № 3. С. 260–265 (0,6 п.л.).
2. «Контроверза Голдхагена»: историческая дискуссия в контексте медиаполитического дискурса // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 189–194 (0,4 п.л.).
3. Англо-американская историография советско-германских отношений 1939 – 1941 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 1. С. 398–403 (0,7 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалов конференций:

1. Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в общественных и исторических дискуссиях 1985–2006 гг. // Шаг в историческую науку: материалы регион. студ. науч. конф. Екатеринбург, 2006. С. 54–56 (0,1 п.л.).
2. «Превентивная война» И.В. Сталина: продолжение дискуссий // История. Право. Образование. Материалы II регион. науч. конф. Ч.1. Нижний Тагил, 2006. С. 161–164 (0,2 п.л.).
3. Великая Отечественная война: продолжение дискуссий // Россия в мировом сообществе цивилизаций: история и современность. Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2006. С. 147–151 (в соавторстве с В.Н. Земцовым) (0,3 п.л.).
4. Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в историографических дискуссиях: 1985–2006 гг. // Запад, Восток и Россия: источник в микро- и макроисторической перспективе. Екатеринбург, 2006. С. 170–173 (0,3 п.л.).
5. Советско-германские отношения 1939–1941 гг.: исторические дискуссии в ФРГ и России // Шаг в историческую науку. Материалы регион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2007. С. 212–216 (0,35 п.л.).
6. Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в исторических и общественных дискуссиях // Актуальные проблемы развития гуманитарных наук. Екатеринбург, 2007. С. 112–114 (0,1 п.л.).
7. Современная Россия и память о прошлом: СССР–Германия в 1939–1941 гг. // Воспитательный потенциал исторического образования: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2008. Часть II. С. 396–402 (0,4 п.л.).
8. Историографические и общественные дискуссии в ФРГ и России о советско-германских отношениях 1939–1941 гг. // История. Право. Образование. Материалы III регион. науч. конф. Нижний Тагил, 2008. С. 220–226 (0,4 п.л.).
9. Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в англо-американской историографии // Запад, Восток и Россия: национально-культурная идентичность в историческом контексте. Екатеринбург, 2008. С. 102–110 (0,45 п.л.).

10. Историческая память как категория исторической науки // *Философия и наука*. Екатеринбург, 2009. С. 127–131 (0,1 п.л.).
11. Советско-германские отношения 1939–1941 гг. в зарубежной и отечественной историографии // *Актуальные проблемы развития гуманитарных наук*. Екатеринбург, 2008. С. 184–186. (0,1 п. л.).
12. Советско-германские отношения 1939–1941 гг.: «преодоление прошлого» историками и обществом в ФРГ // *Новейшая история России в образовательном пространстве школы и вуза: традиции и новации: сб. науч. ст.* Екатеринбург, 2009. Ч. I. С. 299–305 (0,4 п.л.).
13. Советско-германские отношения 1939–1941 в историографии ФРГ // *Диалог культур и цивилизаций. Материалы X Всерос. науч. конф.* Тобольск, 2009. С. 145–146 (0,2 п.л.).
14. Историческая память как категория исторической науки // *Шаг в историческую науку. Материалы регион. конф. Вып.9.* Екатеринбург, 2009. С. 21–25 (0,3 п.л.).
15. Пакт Молотова-Риббентропа: 70 лет спустя // *Политическая коммуникация. Материалы Всерос. науч. школы для молодежи.* Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 79–83 (0,1 п.л.).
16. Советско-германский договор о ненападении 70 лет спустя: «Бегом от пакта» или «Назад в будущее»? // *Запад, Восток и Россия: историк и время.* Екатеринбург, 2009. С. 109–119 (0,5 п.л.).
17. Пакт Гитлера-Сталина в современной германской историографии // *Диалог культур и цивилизаций. Материалы XI Всерос. науч. конф.* Тобольск, 2010. С. 144–146 (0,4 п.л.).
18. «Кто развязал войну?»: историки Великобритании и США о советско-германских отношениях 1939–1941 гг. // *История как ценность и ценностное отношение к истории: сб. науч. ст.* Екатеринбург, 2010. Ч. I. С. 151–160 (0,5 п.л.).
19. Дискуссии вокруг пакта Молотова-Риббентропа в контексте информационной войны // *Современные информационно-психологические войны в политическом пространстве России. Материалы Всерос. науч.-практ. конф.* Екатеринбург, 2010. С. 39–44 (0,4 п.л.).
20. «Забьгть? Вспомянать? Помнить!»: Вторая мировая война на страницах школьных учебников истории ФРГ // *Запад, Восток и Россия: Историк и Власть.* Екатеринбург, 2010. С. 143–151 (0,4 п.л.).
21. «Контроверза Голдхагена» в процессе преодоления прошлого: к истории дебатов о вине немцев // *Запад, Восток и Россия: Историк и Власть.* Екатеринбург, 2011. С. 118–127 (в соавторстве с Д. Юнгханисом 0,4 п.л.).
22. Историческая память в контексте патриотического воспитания: теоретический аспект // *Патриотизм в современной России: от национальной идеи к практике гражданственности.* Екатеринбург, 2012. С. 47–53 (0,3 п.л.).
23. Тема советско-германских отношений 1939–1941 гг. в историографии ГДР // *Запад, Восток и Россия: война–мир–память.* Екатеринбург, 2012. С. 174–183 (0,55 п.л.).

Подписано в печать 25.12.2012 Формат 60x84/16
Бумага для множительных аппаратов.
Гарнитура Times New Roman. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 1,5 Тираж 150 экз. Заказ № 4026
Оригинал-макет изготовлен и отпечатан
В Уральском государственном педагогическом университете
620017 г. Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26
E-mail: info@uspu.ru
(343) 235-76-08

102